

А.Ш. ЖВИТИАШВИЛИ

КЛАССЫ В ЗАПАДНОЙ СОЦИОЛОГИИ: ПОИСКИ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ

Аннотация. В статье рассматривается проблема интерпретации понятия «класс» в западной социологии. Класс не вымышленное понятие, а реальность. Эта реальность может трактоваться по-разному. Предложенная классификация трактовок класса более адекватна, чем традиционная разбивка их на марксистские, веберянские, функционалистские. Современное сложное общество требует применения многомерного подхода к пониманию класса для оценки социального положения индивидов и групп. Многомерный подход строится на выделении нескольких критериев классообразования. Основными из них являются экономический, политический, символический капитал и (само)идентификация. Такой подход позволяет преобразовать предложенную М. Вебером трехчленную формулу социальной стратификации, указывающую на класс, партию и статус как на отдельные стратификационные ряды, в «интегральное» понимание класса, где они являются не самостоятельными стратификационными системами, а различными аспектами одной стратификационной единицы — класса. Тем самым преодолевается редукционизм в концепции классов, когда они рассматриваются либо как экономические, либо как статусные группы. В итоге классы предлагается рассматривать как социальные группы, отличающиеся друг от друга (само)идентификацией, объёмом экономического, политического и символического капитала, а также способностью к их конвертации.

Ключевые слова: класс; многомерный подход; классификация трактовок; западная социология; профессиональная группа; ресурсная группа; самоидентификационная группа.

Для цитирования: Жвितिашвили А.Ш. Классы в западной социологии: поиски концептуализации // Социологический журнал. 2016. Том 22. № 3. С. 32–48. DOI: 10.19181/socjour.2016.22.3.4584

Понятие «класс» относится к числу дискуссионных в исследованиях социальной структуры. Часть социологов (З. Бауман, У. Бек) считают, что классов больше нет. На трудность выделения классов из других групп указал еще П.А. Сорокин. Он писал: «“Класс” либо... ускользает из пальцев своих теоретиков, либо, пойманный, превращается в нечто столь неопределенное и неясное, что становится не-

Жвितिашвили Анатолий Шалвович — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, отдел социальной структуры, Институт социологии РАН.
Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5.
Телефон: +7 (499) 128-91-89. **Электронная почта:** zhvitiashvili-a@mail.ru

возможным отличить его от ряда других кумулятивных групп, либо, наконец, сливается с одной из элементарных группировок» [15, с. 174]. В теории социальной стратификации страта «перехватывает» у класса ряд признаков (обладание богатством и, говоря словами М. Вебера, «монополистическое присвоение управленческой власти и соответствующих экономических преимуществ»), затрудняя возможность отличать класс от других социальных групп [5, с. 156].

Задачам классового анализа не отвечает также и широко распространенное деление концепций социального неравенства на подходы сторонников марксизма, М. Вебера и функционализма [6; 16]. Для выделения классов в самостоятельные единицы стратификации они использовали один фактор — либо экономический (К. Маркс, М. Вебер), либо фактор престижа (функционализм). Правда, Вебер, наблюдая за процессами усложнения общества, осознал необходимость в многомерной трактовке неравенства. Но она не была распространена на понятие класса. В результате экономические, статусные и властные группы («классы» и «партии» — в терминах Вебера) оказались противопоставленными друг другу. Иной методологический недостаток свойственен функционализму. Как пишут К. Дэвис и У. Мур, «общество должно каким-то образом распределять своих членов по различным социальным позициям и побуждать их выполнять обязанности, связанные с этими позициями. Оно должно... гарантировать себе два разных уровня стимулирования: исподволь возбуждать у нужных индивидов желание занять определенное положение; и уже у занявших данное положение — желание выполнять связанные с ним обязанности... Поэтому общество неизбежно должно располагать, во-первых, какими-то видами выгод, которые можно было бы использовать в качестве стимулов, а во-вторых, иметь в своем распоряжении какие-то способы неравномерного распределения этих выгод (вознаграждений) в зависимости от занимаемых позиций. Вознаграждение и его распределение становятся частью социального устройства и... порождают (являются причиной возникновения) стратификации.

Могут спросить, какими видами вознаграждения располагает общество для того, чтобы распределять свои кадры и обеспечивать наиболее существенные функции? Во-первых, в его распоряжении есть предметы, обеспечивающие средства существования и комфорт; во-вторых, средства для удовлетворения различных склонностей и для развлечения; и наконец, средства для укрепления чувства собственного достоинства и самовыражения» [15, с. 163–164]. В трактовке функционалистов анализ сфокусирован на понятии статуса, а социальная стратификация строится на ранжировании групп по уровню престижа. Здесь статусные группы и классы взаимозаменяемы. Однофакторный подход порождает две крайности: разделение понятий класса и статуса,

с одной стороны, и их взаимозаменяемость — с другой. В итоге класс становится частным случаем социального группирования, которым можно пренебречь.

Наконец, еще одно соображение, побуждающее предложить другую типологию трактовок класса, состоит в том, что не все авторитетные социологи прошлого и настоящего могут быть отнесены к сторонникам концепций К. Маркса, М. Вебера или функционализма. В основе предлагаемой классификации лежит выделение подходов к анализу класса как *социально-профессиональной, ресурсной и самоидентификационной* группе. Эта классификация в большей степени соответствует пониманию класса как многомерного типа социального членения.

Класс как социально-профессиональная группа. Данная концептуальная линия нацеливает на интерпретацию понятия класса как социально-профессиональной группы, придавая ей значение базовой единицы социальной структуры. Такая трактовка восходит к Г. Шмоллеру. Он считал, что «дифференциация по социальному рангу и собственности, престижу и доходу является лишь вторичным следствием социальной дифференциации... Классовое образование основано на факте дифференциации профессий» [10, с. 48]. Тем самым немецкий социолог выводил процесс «классового образования» из разделения труда.

То же понимание класса мы встречаем и у Э. Дюркгейма. Выделенные им типы общества — «сегментарный» (традиционалистский тип как механическая солидарность, где интегратором общества выступает «коллективное сознание») и «организованный» (модернистский тип как органическая солидарность, где интегратором общества является разделение труда) — различаются и своей социальной структурой. Французский социолог положил в основу последнего типа социально-профессиональную структуру общества, или принцип его дифференциации по социально-профессиональному признаку [8, с. 179–180]. Э. Дюркгейм связывал появление социально-профессиональной структуры с городской культурой и развитием промышленного производства. Выведение классов из разделения труда сближает позиции Г. Шмоллера и Э. Дюркгейма с марксистским объяснением классового образования. Тенденция к однокритериальному подходу смягчается готовностью Шмоллера и Дюркгейма учитывать экономические и статусные показатели классового положения индивидов.

Из современных представителей рассматриваемого направления следует упомянуть Дж. Голдторпа. Его подход часто называют веберовским, на деле он сложнее. Хотя британский социолог удерживает из наследия М. Вебера идею связи классов с их положением на рынке труда, его версию понимания класса точнее можно было бы определить как синтез позиций Г. Шмоллера и Э. Дюркгейма с вебе-

рианским подходом. Этот синтез сделал концепт класса как социально-профессиональной группы наиболее влиятельным в современной западной социологии.

Не вдаваясь в детали позиции Дж. Голдторпа, укажем только, что он затронул еще один аспект положения профессиональных групп на рынке труда — дифференциацию форм найма [7]. Так, наиболее привилегированными группами являются те, кто заключают «служебные контракты». Это профессионалы высшей квалификации, администраторы высшего управленческого звена, топменеджеры, которые, кроме высокого дохода, могут рассчитывать на гарантированную занятость, защиту пенсионных прав и карьерный рост. «Смешанная форма найма» характерна для высоко- и малообразованных работников рутинного неручного труда и супервайзеров физического труда. «Трудовые контракты» заключают рабочие разной квалификации, проживающие в городе и в селе. Наконец, особую группу работников составляют мелкие собственники и лица, занятые индивидуальной трудовой деятельностью. Их форма занятости не похожа ни на служебные отношения, ни на смешанную форму занятости, ни на трудовые контракты. Статус классов определяется их местом в структуре занятости. Классовые различия вытекают не только из иерархии контрактных отношений, но и из неравного распределения человеческого и культурного капиталов, а также властных полномочий работников на рабочем месте. Классы у Дж. Голдторпа — это ранжированные по престижу и положению на рынке труда профессиональные группы с неравным объемом разных форм капитала.

Недостаток рассматриваемой модели состоит не только в смешении класса с профессиональной группой, о недопустимости чего предупреждал еще П.А. Сорокин. Объяснительные возможности этой модели сужает появление в социальной структуре постиндустриального общества «прекариата» (временно и частично занятых) и «аутсайдеров», то есть тех, чей «труд не нужен экономике» и кто «всецело зависит от... государственной помощи» [19; 15, с. 195–196]. У «прекариата» профессиональная идентичность размыта и не является основной, а «аутсайдеры», которые выпадают из трудовых отношений, вообще ее лишены.

Вместе с тем было бы неверно игнорировать логику модели, где класс понимается как социально-профессиональная группа. По словам Ф. Паркина, «если между... социальными теоретиками и существует согласие по поводу модели класса, то оно касается... разделения между физическим и умственным трудом» [9, с. 231].

Класс как ресурсная группа. В этой линии анализа ресурсы рассматриваются, говоря словами Э. Гидденса, как «средство и результат» деятельности акторов. Здесь, хотя и принимаются во внимание экономические факторы социальной дифференциации, большую роль

играют ее неэкономические источники. Сторонники этой трактовки пытаются согласовать понятия структуры и действия акторов в попытке избежать их дихотомического противопоставления.

Шаг вперед в понимании класса как многомерного типа социального группирования сделал П.А. Сорокин. Задолго до П. Бурдьё он ввел понятие социального пространства, охватывающего совокупность самых разных групповых членений. «Чем больше сходства в положении различных людей, — писал Сорокин, — тем ближе они друг к другу в социальном пространстве» [14, с. 5]. Выше уже отмечалось, что стратификационный подход порой вызывал у Сорокина скептическое отношение к понятию класса, доходящее до попыток включения его в понятие страты. Тем не менее понятие «класс» сохранено в его построениях. Под социальной стратификацией он понимал «дифференциацию некой данной совокупности людей на иерархически соподчиненные классы» [14, с. 9]. В отличие от Вебера, Сорокин не отождествлял классы с экономической стратификацией, а в противоположность Шмоллеру и Дюркгейму не сводил их к профессиональным группам. Отказавшись от монистических трактовок, он развивал многофакторную концепцию класса. Сорокин выделил экономический, политический и профессиональный типы стратификации, основанные на различии ресурсов. Между ними нет линейной взаимозависимости. Экономический капитал не обязательно может быть ресурсом обладания властью или высокой профессиональной квалификацией, а те, в свою очередь, не обязательно являются ресурсами обладания богатством. «Не всегда наиболее богатые люди, — пояснял П.А. Сорокин, — находятся на вершине политической или профессиональной пирамиды, и не во всех случаях бедные люди являются самыми последними в политической и профессиональной градации» [14, с. 10]. Эту мысль впоследствии эмпирически подтвердил Л. Уорнер и развил Г. Ленски в концепции «статусной консистентности» («статусной кристаллизации»), где рассматривается положение групп на разных шкалах социальных переменных (экономический капитал, образование, профессиональная принадлежность, этническое происхождение). Г. Ленски называл группы, занимающие высокий статус по одним переменным и низкие позиции — по другим, низкоконсистентными группами. Низкая статусная консистентность указывает на неравное распределение ресурсов в классовых группах, отражая процессы их дифференциации.

Социально-стратификационную динамику П.А. Сорокин описывает также с помощью понятия высоты и профиля, то есть роста и уплощения экономической, политической и профессиональной «пирамид», а также понятия социальной мобильности, означающего перемещения индивидов и групп в социальной иерархии, регулирующие доступ к ресурсам. Сорокин отошел от распространенной в за-

падной социологии экономистской трактовки класса и от трехчленной классовой схемы. Класс, по Сорокину, — «совокупность лиц, сходных по профессии, по имущественному положению, по объему прав, а следовательно, имеющих тождественные профессионально + имущественно + социально-правовые интересы» [13, с. 376]. Таким образом, социально-правовой статус (гражданские права) групп или индивидов не менее важен, чем их профессиональный и экономический статусы. Позже Т. Маршалл развил идею гражданства в качестве особого измерения классовой структуры. В классовой схеме, построенной Сорокиным в соответствии с указанными критериями, — четыре основных класса: крестьяне, наемные рабочие, землевладельцы и капиталисты. Между крестьянами и рабочими больше различий в содержании труда, чем в экономическом положении (группы со средним достатком и бедные) и объеме прав (ограниченный). Между землевладельцами и капиталистами различия также проявляются прежде всего в профессиональной принадлежности, а их экономический и правовой статусы — это статусы привилегированных групп [13, с. 384–385]. Данная схема долгое время оставалась актуальной для развитых стран.

Анализ распределения групп по разным осям социальных иерархий получил продолжение в концепции множественности форм капитала П. Бурдьё, которая методологически применима к анализу классов. Бурдьё исходил из взгляда на социологию как на социальную топологию. Поэтому основная категория в ней, по его мнению, — это многомерное социальное пространство, построенное «по принципам дифференциации и распределения, сформированным совокупностью действующих свойств в рассматриваемом социальном универсуме, т. е. свойств, способных придавать его владельцу силу и власть в этом универсуме» [3, с. 55–56]. Эти «действующие свойства» французский социолог называл различными видами власти или капиталов, принадлежащими различным социальным полям. Наряду с известным из марксизма экономическим капиталом П. Бурдьё выделял культурный капитал, социальный капитал, символический капитал, формой которого, по его мнению, является политический капитал. Позиции «агентов» в социальных полях распределяются в зависимости как от общего объема капитала, так и от сочетания своих капиталов, то есть веса разных его видов [3, с. 58; 93–94].

П. Бурдьё различал три состояния каждой из рассмотренных им форм капитала: инкорпорированное, объективированное и институционализированное.

Инкорпорированное состояние экономического капитала составляет прибыль, объективированное — деньги, а институционализированное — права собственности. Культурный капитал в инкорпорированном состоянии существует в виде «диспозиций ума и тела»;

в объективированном — в форме «культурных товаров» (книг, картин, машин и проч.); в институционализированном — в форме «образовательных квалификаций» [4, с. 60]. Социальный капитал в инкорпорированном состоянии образован социальными обязательствами («связи»); в объективированном состоянии — сетями связей; в институционализированном — кругом знакомых.

Инкорпорированным состоянием политического капитала можно считать «кредит» доверия, основанный на «вере и признании», «с помощью которых агенты наделяют человека (или предмет) той самой властью, которую они за ним признают» [3, с. 208]. Природа политического капитала амбивалентна: будучи «объективной властью», он сам «является результатом субъективных актов признания» [3, с. 209]. Политический капитал с помощью механизма делегирования политического (и партийного) авторитета объективируется в виде постов в организациях, учреждениях местной и центральной власти, а в своей институционализированной форме выступает в качестве партии [3, с. 215, 212].

Символический капитал, по определению П. Бурдьё, «предполагает влияние габитуса как социально сконструированной когнитивной способности» [4, с. 60]. Инкорпорированное состояние символического капитала указывает на символическую власть «агентов как власть показывать... и убеждать, производить и вводить классификацию» [3, с. 79]. Объективированным состоянием символического капитала выступает способность «объективировать поле производства объективных представлений о социальном мире... поле производства культуры или идеологии» [3, с. 79–80]. Наконец, в институционализированном состоянии символического капитала находит свое выражение «логика официальной номинации». Она воплощается в звании. «Профессиональное или ученое звание, — подчеркивает французский социолог, — это... институционализированный... символический капитал» [3, с. 75]. П. Бурдьё отмечает автономизацию вознаграждения за звание от вознаграждения за труд. Иначе говоря, за один и тот же труд можно получать разное вознаграждение в зависимости от звания работника. «Звание само по себе (как и язык), — заключает П. Бурдьё, — институция более прочная, чем внутренние характеристики труда» [3, с. 76].

Формы капитала взаимосвязаны друг с другом. По словам П. Бурдьё, «разделение политического труда меняется в зависимости от общего объема экономического и культурного капитала, накопленного определенной социальной формацией... а также от более или менее ассиметричной структуры распределения этого капитала...» [3, с. 223]. Здесь он ссылаясь на распространение всеобщего среднего образования, изменившее отношения между партиями и их избирателями.

Примером обратного влияния политического капитала на другие его формы можно считать роль государства. Как писал П. Бурдьё, «государство есть завершение процесса концентрации различных видов капитала: физического принуждения или средства насилия (армия, полиция), экономического, культурного... символического — концентрации, которая... делает из государства владельца... мегакапитала, дающего власть над другими видами капитала» [1]. Эта мысль помогает понять, каким образом возможна трансформация общества в условиях монополии государственной собственности на средства производства. С появлением «рыночных» интересов элиты государство запускает процесс конвертации политического капитала в экономический, вызывающий транзит, скажем, от советского общества к современному российскому социуму.

Концепция множественности форм капитала открыта для теоретической легитимации понятия класса. Однако сам П. Бурдьё испытывал сомнения в его реальности. В своих рассуждениях Бурдьё колебался между признанием реальности различий социальных позиций и постулированием существования «классов на бумаге». Решение этой дилеммы он видел в особой роли «политической работы» и «хорошо обоснованной теории» в «производстве классов» как реальных групп. «С помощью эффекта теории, — отмечал он, — мы выходим из чистого физикализма, но не бросаем достижения фазы объективизма: группы, к примеру социальные классы, нужно еще “создавать”. Они не даны в “социальной реальности”» [2]. Отойдя от взгляда М. Вебера на классы и партии как отдельные стратификационные системы, П. Бурдьё вслед за П.А. Сорокиным включил фактор власти в число критериев выделения классов, даже отождествив их с партиями («партия есть рабочий класс»). Тем самым классы оказываются продуктом опирающейся на политико-символический капитал активности партийных функционеров.

Ресурсного подхода в трактовке классов придерживается и Э. Гидденс. Его концепция структуриации, где рассматривается соотношение акторов и структуры, вводит понятие «дуальности структуры», одним из базовых элементов которой является понятие ресурсов [18, р. 65]. Под последними Гидденс понимает так называемые «локализованные» ресурсы (средства производства, денежный капитал) и власть. Однако свое определение класса британский социолог строит на понятии локализованных ресурсов. «Классы, — пишет он, — можно рассматривать как крупномасштабные группы людей, обладающие сходными материальными ресурсами, что, в свою очередь, определяет образ жизни, которую они ведут. Классовые различия прежде всего зависят от благосостояния людей и рода занятий» [6, с. 199].

Гидденс различает четыре основных класса: высший, средний, рабочий и низший. Высший класс составляют богачи, предпринима-

тели, высший слой управленцев. В среднем классе выделяются «старый средний класс» (малый бизнес, мелкие фермеры), «высший средний класс» (менеджеры высокого уровня квалификации) и «низший средний класс» (конторские служащие, продавцы, учителя). Рабочий класс состоит из «высшего рабочего класса» (квалифицированные рабочие с более высоким доходом, более благоприятными условиями труда и большей гарантией занятости) и «низшего рабочего класса» (полуквалифицированные и неквалифицированные рабочие с более низким доходом, менее комфортными условиями труда и меньшей гарантией занятости). Наконец, те, кто образуют низший класс, имеют самый низкий уровень жизни, плохие условия труда и лишены гарантированной занятости. Этот класс отличается от большинства населения и своим этническим происхождением. Его составляют выходцы из стран Азии и Африки. Э. Гидденс отмечает, что на долю 1% самых богатых людей Великобритании в конце XX в. приходился 21% национальных богатств, и только одна треть этих богатств принадлежала 80% населения.

Если у П. Бурдьё акцент сделан на политическом и символическом измерениях класса, то у Э. Гидденса класс измеряется экономической, статусной и профессиональной характеристиками. В отличие от Бурдьё, Гидденсу свойственен подчеркнутый реализм в понимании класса. В концепции французского социолога очевидна тенденция к слиянию понятий класса и классового сознания (в более узком смысле — партийной идеологии), в трактовке британского социолога оба явления независимы друг от друга. Э. Гидденс избегает эффекта виртуализации класса, который присутствует в теории П. Бурдьё.

Класс как (само)идентификационная группа. Эта трактовка класса не игнорирует роль профессионального статуса и фактор ресурсного обеспечения деятельности акторов, но подчеркивает зависимость реальности класса от соотношения индивидом своего социального положения с социальным положением других. В структуре форм капитала большее значение приобретают его неэкономические формы.

Впервые многомерная стратификационная схема М. Вебера была успешно применена в исследованиях социальной структуры общин Новой Англии (США), проведенных У. Уорнером и его коллегами в 1930-е гг. Для определения класса Уорнер использовал субъективный критерий, построенный на вере индивида в существование классов. Он писал: «Под социальным классом понимаются два и более слоя людей, в существование которых верят члены местного сообщества и которых они ранжируют на группы, занимающие высокие или низкие позиции... В классовом обществе права, привилегии и обязанности неравно распределены между низшими и высшими классовыми позициями... Система ценностей классового, в отличие от кастового, общества обеспечивает движение вверх и вниз по социальной лест-

нице» [20, р. 36–37]. У. Уорнер ввел стандартный индекс статусных характеристик, включающий профессию, доход, квалификацию, этническое происхождение и модель потребления (место жительства, жилищные условия, структура расходов). В результате он получил шесть классовых групп, разделив каждый из трех классов на два слоя — верхний и нижний. Верхний-высший класс включал «старые», родовые семьи (аристократию) с наиболее высокими репутацией и доходом. Нижний-высший класс состоял из «новых семей» с меньшим доходом и высокой социальной активностью в жизни общины (участие в клубах, ассоциациях). В верхний-средний класс вошли профессионалы, собственники с меньшим достатком. Нижний-средний класс образовали клерки и квалифицированные рабочие. Верхний-нижний класс составляли полуквалифицированные рабочие со сносным достатком, а нижний-нижний — полуквалифицированные и неквалифицированные рабочие с низким доходом. Признавая весомую роль экономических факторов (собственность, доходы) в определении классового положения индивидов, Уорнер, однако, подчеркивал, что «большое богатство не гарантировало достижение высшей социальной позиции» [20, р. 36]. Важнее богатства были социальные сети, то есть членство в клубах, ассоциациях, или социальный капитал. У. Уорнер показал, что экономический капитал не всегда может конвертироваться в другие формы капитала для достижения его владельцем высокого социального статуса. Он также отмежевался от идеи отождествления профессиональной и классовой принадлежности индивидов.

Некоторые социологи видят основной недостаток позиции У. Уорнера в смешении понятий класса и классовой идентичности. Так, по мнению Э. Гиденса, существование классовых различий не зависит от того, осознаются они индивидами или нет. Это возвращает к дискуссии о субъект-объектных отношениях. На наш взгляд, в сфере социальных отношений нет объектов в естественнонаучном значении этого слова. Поэтому то, что считается социальным объектом, есть скорее объективация мыслей и действий социальных акторов. Такой же объективацией являются и классы, которые не существуют вне деятельности преследующих свои цели индивидов.

Интересную попытку осмыслить феномен класса на внеэкономических основаниях предпринял и Т. Маршалл. Он не связывал классы ни со способом производства (как К. Маркс), ни с положением на рынке труда (как М. Вебер). Британский социолог считал, что: 1) классы связаны с «вертикальной социальной дистанцией», «иерархической социальной стратификацией»; 2) классы как иерархия групп требуют «социального признания»; 3) класс — группа, где «есть некое постоянство» [12, с. 142]. В определении класса выделены несколько аспектов. Во-первых, класс определяется (под влиянием веберовского понятия шансов) «как группа лиц со схожими социальными шансами». Во-вторых, «в основе

социального класса лежит то, как к человеку относятся другие люди (и как... он относится к ним), а не... собственность...». В-третьих, классы — «это идентификационные группы, существующие ради внутренних контактов, которые эта идентичность делает возможными» [12, с. 143, 158]. Одновременно классы у Маршалла представляют собой ресурсные группы. Но их ресурсы — не только экономический, но и социальный и политико-символический капитал. Т. Маршалл обосновал понятие гражданства как новой формы капитала. Развивая мысль П.А. Сорокина о правах как необходимом элементе классового ресурса, британский социолог выделил в структуре гражданства три «элемента» — «гражданский» (право на свободу личности, слова и т. п.), «политический» (право на участие в политической власти) и «социальный» (право на экономическое благосостояние и безопасность, на жизнь цивилизованного человека). Расширение прав трансформирует динамику классовых различий. С одной стороны, «социальные права в их современной форме предполагают... подчинение рыночной цены социальной справедливости, замену свободного торгога декларацией прав» [11, с. 124]. С другой, — «статусные различия могут получить печать легитимности в контексте демократического гражданства», если они не слишком глубоки и не принимают форму наследственных привилегий [11, с. 130]. Гражданство не устраняет классы, а сокращает неравенство между ними. Т. Маршалл показал, что классы — такая же реальность эгалитарного общества, как и общество, основанных на глубоком неравенстве.

(Само)идентификационную интерпретацию на основе концепта «мы-группа» — «они-группа» развил А. Шютц. Заранее оговоримся, что под этим концептом может пониматься не только класс, но и вообще социальная группа. Однако методологически концепция А. Шютца может быть плодотворной для анализа понятия «класс».

Концепт «мы/они-группа» базируется на принципах *референтности*, или принадлежности индивидов к своей, «родной», и чужой группе; *типизации*, то есть выделении «наблюдателем» «особых характеристик и черт» данной группы, и *дополнительности*. Категория «мы-группа» выражает «субъективный смысл группового членства». Она построена на самоидентификации индивидов с социальной группой, интерпретируемой ими как «мы-группа», и дополнена категорией «они-группа». Последняя группа выражает «объективный смысл группового членства». Она построена на интерпретации социальной группы как «они-группы» теми, кто обозначается термином «аутсайдеры», то есть теми, кто не включает себя в «мы-группу». Как пишет Шютц, «при объективной интерпретации понятие группы является концептуальным конструктом аутайдера» [16, с. 291]. Причем гомогенность социальной группы определяется «только с его, аутайдера, точки зрения». Таким образом, каждая социальная группа имеет два измерения — «субъективное» и «объективное». Различие между ними определяется тем, кто выступает

в роли актора, — инсайдер (внутренний наблюдатель) или аутсайдер (внешний по отношению к данной социальной группе наблюдатель). На деле понятие «объективное» у американского социолога есть объективация понятия «субъективное» и не имеет ничего общего с материалистическим пониманием термина «объективное».

Дифференциацию состава инсайдеров и аутсайдеров у А. Шютца регулирует закон «социального распределения знания». «Только этот ресурс, — писал он, — делает возможной социологическую теорию профессий, престижа и компетентности, харизмы и авторитета» [17, с. 225]. Неравномерное распределение этого ресурса порождает три идеальных типа актора — «эксперт» («его суждения не являются неопределенными допущениями»), «хорошо информированный гражданин» («не обладает знанием эксперта», но и «не принимает неопределенности простого знания» или «иррациональности своих страстей») и «человек с улицы» («обладает практическим знанием во многих областях, не связанных друг с другом»). Типы акторов различаются не только способностью к рационализации картины мира, но и наличием или отсутствием «социально одобренного знания» [17, с. 224—225]. Поскольку такое знание является «источником престижа и авторитета», а «экспертом» и «хорошо информированным гражданином» считается только тот, кто «социально одобрен в этом качестве», социально одобренное знание как институционализированная форма человеческого и культурного капитала превращается в особый фактор социальной (и классовой) стратификации [17, с. 237]. Постиндустриальная реальность актуализирует идеи А. Шютца. Д. Белл, М. Кастельс, Р. Клаттербак показали, что новые виды неравенства связаны с неравным распределением знаний (и информации), вызывающим деление общества на «класс интеллектуалов», или «класс информационных производителей» и тех, кто лишен доступа к когнитивным (и информационным) ресурсам.

Концепция А. Шютца позволяет рассматривать классовое положение индивидов с точки зрения их когнитивных, статусных и профессиональных характеристик.

Анализ подхода Шютца ставит следующий вопрос: можно ли получить реальную картину классовой структуры общества при возможных расхождениях «субъективной» и «объективной» интерпретаций социальной группы, данных «экспертом», «хорошо информированным гражданином» и «человеком с улицы»? Степень этих расхождений могут определить эмпирические исследования.

* * *

Проанализированные трактовки класса дополняют друг друга. В ресурсной трактовке присутствуют идентификационный аспект и анализ различий профессиональных групп, в понимание класса как профессиональной группы включены ресурсный и идентифика-

ционные подходы, а в идентификационной интерпретации учтены объем, распределение ресурсов и профессиональная стратификация. Самоидентификационная трактовка подчеркивает зависимость существования классов от сознания индивидов, в других моделях классы — более объективная реальность. Нюансы состоят и в том, что указанные трактовки отводят разную роль отдельным формам капитала в формировании классовых членений.

На основе анализа классовых моделей в западной социологии предложим свое понимание классов. В поисках определения понятия класса автор отталкивается от понятий капитала и идентификации.

В авторской трактовке класса акцент сделан на трех формах капитала — экономическом, политическом и символическом, так как классовое неравенство вырастает из неравного распределения указанных форм капитала, а борьба за их перераспределение определяет логику классовых конфликтов. Что касается вопроса о соотношении понятий капитала и ресурса, то они частично совпадают. Капитал есть актуализированный ресурс, а ресурс — потенциальный капитал. Для превращения (актуализации) ресурса в капитал требуется выполнение ряда условий: признание востребованности ресурсов участниками их обмена (как теми, кто меняет свои ресурсы, так и теми, кто приобретает их) и способность ресурса приносить его обладателям выгоды в экономической (в виде доходов), административно-политической (в виде должностей и соответствующих им властных полномочий на предприятии или в системе государственного управления) и символической (в виде авторитета или престижа, достигнутых на основе либо власти, либо знаний и компетенций) формах. Понятие капитала составляет объективный аспект понятия класса.

Но у него есть и субъективный аспект — (само)идентификация индивидов с данной социальной группой. Класс включает в себя идентификационную составляющую, без которой он не может существовать. Поэтому класс — это не только социально-экономическая, но и идентификационная группа, то есть группа, члены которой признают свою принадлежность к ней. Выделение одних только социально-экономических признаков недостаточно для вычленения классов из совокупности разных социальных общностей, поскольку превращает их в то, что П. Бурдьё называл «классами на бумаге». Таким образом, класс есть синтез объективного и субъективного. Без одной из этих составляющих класс оказывается виртуальным сегментом социального пространства.

Исходя из высказанных соображений, можно предложить следующее определение классов. Классы образуют социальные группы, отличающиеся друг от друга (само)идентификацией, объемом экономического, политического и символического капитала, а также способностью к их конвертации. Такой подход позволяет преобразовать предложенную М. Вебером трехчленную формулу социаль-

ной стратификации, указывающую на класс, партию и статус как на отдельные стратификационные ряды, в «инклюзивное» или «интегральное» понимание класса, где они являются не самостоятельными стратификационными системами, а различными аспектами одной стратификационной единицы — класса. Тем самым преодолевается редукционизм в концепции классов, когда они рассматриваются либо как экономические (К. Маркс, М. Вебер), либо как статусные (функционализм) группы. Понятие класса остается важным инструментом анализа социальной структуры современного общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бурдьё П.* Дух государства: генезис и структура бюрократического поля / Пер. с фр., сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко // Центр гуманитарных технологий. 2006 [электронный ресурс]. Дата обращения 11.03.2010. URL: <gtmarket.ru/laboratory/expertise/2006/704>.
2. *Бурдьё П.* Начала / Пер. с фр., сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко // Социологическое пространство Пьера Бурдьё. 1994 [электронный ресурс]. Дата обращения: 20.03.2010. URL: <bourdieu.name/fr/content/nachala>.
3. *Бурдьё П.* Социология политики / Пер. с фр., сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. М.: Socio — Logos, 1993. — 336 с.
4. *Бурдьё П.* Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 5. С. 60–74.
5. *Вебер М.* Основные понятия стратификации // Социологические исследования. 1994. № 5. С. 147–156.
6. *Гидденс Э.* Социология / При участии К. Бердсолл, пер. с англ. Л.С. Гурьевой, Л.Н. Иоселевича. М.: Эдиториал УРСС, 1999. — 704 с.
7. *Голдторн Дж.* Социальный класс и дифференциация контрактов занятости. 2000 // Социологический факультет Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина [электронный ресурс]. Дата обращения: 30.01.2012. URL: <http://www.sociology.kharkov.ua/index.php/ua/pro-nas/75-school/dopolnitelnye-materialy/kichkine-2002/177-materialy-dlya-chteniya>.
8. *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда // Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Пер. с фр. и послесл. А.Б. Гофмана, прим. В.В. Сапова. М.: Наука, 1991. С. 3–390.
9. *Ильин В.И.* Социальное неравенство. М.: Институт социологии РАН, 2000. — 302 с.
10. *Куценко О.Д.* Общество неравных. Классовый анализ неравенств в современном обществе: попытки западной социологии. Харьков: Изд-во Харьковского Национального ун-та им В.Н. Каразина, 2000. — 240 с.
11. *Маршалл Т.Х.* Гражданство и социальный класс // Маршалл Т.Х. Избранные очерки по социологии / Сост., пер с англ. В.Г. Николаева, отв. ред. Л.В. Гирко. М.: ИНИОН, 2006. С. 72–137.
12. *Маршалл Т.Х.* Социальный класс: Предварительный анализ // Маршалл Т.Х. Избранные очерки по социологии / Сост., пер с англ. В.Г. Николаева, отв. ред. Л.В. Гирко. М.: ИНИОН, 2006. С. 138–160.

13. *Сорокин П.А.* Система социологии. Т. 2. Социальная аналитика: Учение о строении сложных социальных агрегатов / П.А. Сорокин. М.: Наука, 1993. — 688 с.
14. *Сорокин П.А.* Социальная мобильность / Пер. с англ. М.В. Соколовой, под общ. ред. В.В. Сапова. М.: Academia; LVS, 2005. — 588 с.
15. *Шкаратан О.И.* Социология неравенства. Теория и реальность / Национальный исследовательский ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. — 526 с.
16. *Шютц А.* Равенство и смысловая структура социального мира // Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки феноменологической социологии / Сост. А.Я. Алхасов, пер. с англ. А.Я. Алхасова, Н.Я. Мазлумяновой, научн. ред. Г.С. Батыгин. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. С. 260–310.
17. *Шютц А.* Хорошо информированный гражданин. Очерки о социальном распределении знаний // Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки феноменологической социологии / Сост. А.Я. Алхасов, пер. с англ. А.Я. Алхасова, Н.Я. Мазлумяновой, научн. ред. Г.С. Батыгин. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. С. 222–237.
18. *Giddens A.* Central problems in social theory. Action, structure and contradiction in social analysis. London: The Macmillan Press, 1979. — 300 p.
19. *Standing G.* The Precariat — The New dangerous class. London: Bloomsbury Academic, 2011. — 198 p.
20. *Warner W.L., Low J.O., Lunt P.S., Srole L.* Yankee City / Selected and edited by Warner W.L. New Haven: Yale University Press, 1966. — 432 p.

Дата поступления: 30.03.2016.

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL
2016. VOL. 22. NO. 3. P. 32–48. DOI: 10.19181/socjour.2016.22.3.4584

A. Sh. Zhvitiashvili

Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation.

Anatoliy Sh. Zhvitiashvili — Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher,
Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences.

Address: 24/35 Krzhizhanovskogo St., 117218, Moscow, Russian Federation.

Phone: +7 (499) 128-91-89. **Email:** zhvitiashvili-a@mail.ru

CLASSES IN WESTERN SOCIOLOGY: IN SEARCH OF CONCEPTUALIZATION

Abstract. This article deals with the problem of multiple interpretations when it comes to the “class” concept in Western sociology. “Class” is not just an artificial term, but a reality. This reality can be treated in different ways. The proposed classification for interpreting classes is more comprehensive than the traditional one represented by Marxism, Weber’s ideas and functionalism. Today’s complicated society needs to use a multidimensional approach to class analysis in order to evaluate the social situation

of individuals and groups. A multidimensional approach means analyzing different class formation criteria. The main criteria are economical capital, political capital, symbolic capital and (self) identification. Such an approach allows for transforming Weber's threefold formula of social stratification — which shows class, party and status as being separate stratification categories — into one with an “integral” understanding of the concept of “class”, where the aforementioned categories are no longer separate systems of stratification, but different aspects of one basic stratification unit — the “class”. This allows for overcoming the reductionism attributed to the existing classification of classes, when the latter are viewed as either economic or status groups. In conclusion it is suggested that classes be considered as social groups which vary when it comes to (self) identification, economical, political, symbolic capital, as well as their capacity for conversion.

Keywords: class; multidimensional approach; classification of interpretations; Western sociology; occupational group; resource group; (self) identification based group.

For citation: Zhvitiashvili A. Sh. Classes in Western sociology: In search of conceptualization. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2016. Vol. 22. No. 3. P. 32–48. DOI: 10.19181/socjour.2016.22.3.4584

REFERENCES

1. Bourdieu P. Esprits d'Etat. Genèse et structure du champ bureaucratique. [Russ. ed.: *Dukh gosudarstva: genezis i struktura byurokraticheskogo polya*. Transl. from French; ed. by N.A. Shmatko. Tsentr gumanitarnykh tekhnologii publ., 2006 [online]. Accessed 11.03.2010. URL: <gtmarket.ru/laboratory/expertise/2006/704>].
2. Bourdieu P. Choses dites. [Russ. ed.: Nachala. *Sotsiologicheskoe prostranstvo P'era Burd'e*. Transl. from French; ed. by N.A. Shmatko. 1994 [online]. Accessed: 20.03.2010. URL: <bourdieu.name/fr/content/nachala>].
3. Bourdieu P. Sociology of politics. [Russ. ed.: *Sotsiologiya politiki*. Transl. from French; ed. by N.A. Shmatko. Moscow: Socio — Logos publ., 1993. 336 p.]
4. Bourdieu P. Forms of capital. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*. 2002. Vol. 3. No. 5. P. 60–74. (In Russ.)
5. Veber M. The main notions of Stratification. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 1994. No. 5. P. 147–156. (In Russ.)
6. Giddens A. Sociology. [Russ. ed.: *Sotsiologiya*. Transl. from Eng. by L.S. Gur'eva, L.N. Ioselevich. Moscow: Editorial URSS publ., 1999. 704 p.]
7. Goldthorpe J. Social Class and the Differentiation of Employment Contracts. [Russ. ed.: *Sotsial'nyi klass i differentsiatsiya kontraktov zanyatosti*. 2000. Sotsiologicheskii fakul'tet Khar'kovskogo natsional'nogo universiteta im. V.N. Karazina [online]. Accessed 30.01.2012. URL: <http://www.sociology.kharkov.ua/index.php/ua/pro-nas/75-school/dopolnitelnye-materialy/kichkine-2002/177-materialy-dlya-chteniya>].
8. Dyurkgeim E. O razdelenii obshchestvennogo truda. [De la division travail social.] Dyurkgeim E. *O razdelenii obshchestvennogo truda. Metod sotsiologii*. Transl. from French by A.B. Gofman. Moscow: Nauka publ., 1991. P. 3–390.
9. Il'in V.I. *Sotsial'noe neravenstvo*. [Social inequality.] Moscow: Institut sotsiologii RAN publ., 2000. 302 p.
10. Kutsenko O.D. *Obshchestvo neravnykh. Klassovyi analiz neravenstv v sovremennom obshchestve: popytki zapadnoi sotsiologii*. [Unequal society. Class analysis of inequalities in the modern society: attempts of the Western sociology.] Khar'kov: Izd-vo Khar'kovskogo Natsional'nogo un-ta im V.N. Karazina publ., 2000. 240 p.

11. Marshall T.Kh. Grazhdanstvo i sotsial'nyi klass. [Citizenship and social class.] Marshall T.Kh. *Izbrannye ocherki po sotsiologii*. Select. and transl. from Eng. by V.G. Nikolaev; Ed. by L.V. Girko. Moscow: INION publ., 2006. P. 72–137.
12. Marshall T.Kh. Sotsial'nyi klass: Predvaritel'nyi analiz. [Social class: A preliminary analysis.] Marshall T.Kh. *Izbrannye ocherki po sotsiologii*. Select. and transl. from Eng. by V.G. Nikolaev; Ed. by L.V. Girko. Moscow: INION publ., 2006. P. 138–160.
13. Sorokin P.A. *Sistema sotsiologii. Vol. 2. Sotsial'naya analitika: Uchenie o stroenii slozhnykh sotsial'nykh agregatov*. [System of sociology. Vol. 2. Social analytics. The teaching about structure of complicated social aggregates.] Moscow: Nauka publ., 1993. 688 p. (In Russ.)
14. Sorokin P.A. Social mobility. [Russ. ed.: *Sotsial'naya mobil'nost'*. Transl. from Eng. by M.V. Sokolova; Ed. by V.V. Sapov. Moscow: Academia publ.; LVS publ., 2005. 588 p.]
15. Shkaratan O.I. *Sotsiologiya neravenstva. Teoriya i real'nost'*. [Sociology of inequality: Theory and reality]. Moscow: Izd. dom Vyshei shkoly ekonomiki publ., 2012. 526 p. (In Russ.)
16. Shyutts A. Ravenstvo i smyslovaya struktura sotsial'nogo mira. [Equality and meaning structure of the social world.] Shyutts A. *Smyslovaya struktura povsednevnogo mira: ocherki fenomenologicheskoi sotsiologii*. Select. by A.Ya. Alkhasov; Transl. from Eng. by A.Ya. Alkhasov, N.Ya. Mazlumyanova; Ed. by G.S. Batygin. Moscow: Institut Fonda "Obshchestvennoe mnenie" publ., 2003. P. 260–310.
17. Shyutts A. Khorosho informirovannyi grazhdanin. Ocherki o sotsial'nom raspredelenii znanii. [A well informed citizen. Essays of social distribution of knowledge.] Shyutts A. *Smyslovaya struktura povsednevnogo mira: ocherki fenomenologicheskoi sotsiologii*. Select. by A.Ya. Alkhasov; Transl. from Eng. by A.Ya. Alkhasov, N.Ya. Mazlumyanova; Ed. by G.S. Batygin. Moscow: Institut Fonda "Obshchestvennoe mnenie" publ., 2003. P. 222–237.
18. Giddens A. *Central problems in social theory. Action, structure and contradiction in social analysis*. L.: The Macmillan Press, 1979. 300 p.
19. Standing G. *The Precariat — The New dangerous class*. L.: Bloomsbury Academic, 2011. 198 p.
20. Warner W.L., Low J.O., Lunt P.S., Srole L. *Yankee City*. Select. and ed. by W.L. Warner. New Haven: Yale University Press, 1966. 432 p.

Received: 30.03.2016.